

5. Гируцкий А.А. Философия имени в истории культуры и науки и в современном языкознании // Развитие фундаментальной науки в БГПУ: материалы науч.-практ. конф., г. Минск, 19 ноября 2015 г. – Минск: БГПУ, 2016. – С. 102–112.

Сведения об авторе

Гируцкий Анатолий Антонович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка. E-mail: hirutski@mail.ru.

Грдзелян Р.Р.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ (ШИФТЕРОВ-МЕСТОИМЕНИЙ)

Статья посвящена функционально-семантическому и типологическому описанию русских и армянских шифтеров-местоимений. В ней представлены понятия контекст, конситуация, шифтеры, а также такие приемы анализа, как установление значения слова в контексте, моделирование контекста, замена слова, его элиминирование, перевод текста.

Ключевые слова: шифтеры-местоимения, контекст, конситуация.

Grdzelyan R.R.

A RESEARCH TECHNIQUE OF THE FUNCTIONAL SEMANTICS OF THE DISCURSIVE WORDS (SHIFTER-PRONOUNS)

The article is devoted to the functional-semantic and typological description of russian and armenian shifter-pronouns. It provides a description of such concepts as context, consituation and shifters, and also presents such research techniques as setting the meaning of a word in context, modeling context, replacing and eliminating a word, translating a text.

Key words: shifter-pronouns, context, consituation.

Исследование языковых единиц с точки зрения их семантико-функциональной нагрузки является эффективным методом анализа, особенно при исследовании различного рода «мелких» слов, а также слов с прономинальной семантикой, поскольку их значения контекстно и ситуативно обусловлены, а следовательно, могут быть выявлены только в высказывании, в тексте или в дискурсе. Именно поэтому семантико-функциональный и дискурсивный подходы к исследованию языковых единиц позволяют наиболее результативно описать функциональную семантику и дискурсивные функции частиц, союзов, местоименных слов, семантика которых, несмотря на кажущуюся простоту, чрезвычайно сложна, многообразна, разнородна и поэтому требует детального описания семантики, смыслов и употребления каждого отдельного слова. И нельзя не согласиться с характеристической логических слов, также относимых к разряду «мелких», данной И.М. Богуславским: «... логические слова, имея некоторые общие черты, в целом ярко индивидуальны. Многообразие их свойств, умноженное на их взаимное несходство, делает невозможным (по крайней мере, на сегодняшний день) массовый охват логических слов. Полное описание каждого из них должно, видимо, занимать целые тома» [4, с. 6]. Поэтому, хотя эти слова и были сказаны более трех десятилетий назад, а многим частицам, союзам, прономинальным словам уже посвящены детальные исследования, описание их до сих пор не исчерпано, и лингвистам, видимо, пока еще предстоит большая работа в этом направлении.

Рассмотрим с этой точки зрения только лишь один лексико-семантический ряд слов – *другой, иной, второй*, а также их армянские соответствия. Данные лексем относятся к классу слов, именуемых в лингвистике *шифтерами*. Шифтеры – незаменимые элементы практически всех языков. Они «позволяют осуществить переход от системы языка к реальной ситуации <...>, они же помогают в значительной степени создать относительно экономную языковую систему» [11, с. 194].

«Кто я для них? Человек из другого мира», – говорит герой одного романа. «Человек из другого мира» – определение краткое и в то же время содержательное. Но чтобы дать лингвистическую интерпретацию данного определения, необходимо провести исследование не такое краткое, как приведенное выше высказывание, исследование, направленное на выявление природы шифтера *дру-*

гой и близких ему по выполняемым в дискурсе функциям слов *иной* и *второй*. Основная задача такого описания – дать ответ на два вопроса:

1) Каковы параметры, по которым слова *другой*, *иной*, *второй* можно отнести к классу шифтеров, то есть – в чем сходство между данными словами и остальными шифтерами?

2) Каковы параметры, по которым слова *другой*, *иной*, *второй* можно выделить в пределах класса шифтеров в отдельную группу, то есть – в чем различие между данными словами и остальными шифтерами?

Для того, чтобы приступить к подобному анализу, необходимо очертить круг теоретических положений, необходимых при изучении класса шифтерных слов.

Исследуемые нами слова имеют контекстно обусловленное значение, поэтому материалом нашего исследования стали не отдельные слова и словосочетания, а высказывания или в большинстве случаев группы высказываний (фрагменты текстов), которые мы будем называть текстами.

Итак, слова *другой*, *иной*, *второй* реализуют свои значения в контексте или в конситуации. *Контекст* обычно определяется как а) «лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи» [1, с. 206–207]; б) «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [11, с. 238]; в) «структурное дополнение единицы до целой структуры высказывания или дискурса, «внешняя форма» единицы, определяющая ее смысловую ориентацию относительно других единиц» [5, с. 288].

Конситуация же определяется как «условия, в которых осуществляется данный акт речи» [1, с. 413]. При формировании высказывания конситуация часто обуславливает выбор языковых элементов [6, с. 358].

Однако необходимо учитывать, что контекст понимается двояко – в более узком или в более расширенном понимании, как «микрконтекст» и «макрконтекст». Контекст, понимаемый в более узком значении (микрконтекст) – это «минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует свое значение плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций» [10, с. 238]. В данном понимании контекст наиболее эффективен при лингвистическом анализе слова и призван выявить его лексико-семантические характеристики – значение, коннотации, характер лексической сочетаемости, лексико-парадигматические связи. Именно в этом контексте слово актуализирует свои значения. Контекст, понимаемый в более широком значении – это такое окружение слова, которое позволяет установить его функции в тексте как в целом, а не во фрагменте. В этом понимании контекст эффективен при текстовом или дискурсивном анализе, так как призван выявить такие характеристики слова, как приобретаемые в контексте смыслы, символность и т. д.

Таким образом, между микро- и макрконтекстом существует качественная разница: микроконтекст работает на выявление семантических характеристик слова, тогда как макрконтекст – на раскрытие его смыслопорождающих, текстопорождающих и текстообразующих механизмов. Необходимо также отметить, что понятие *контекст* не равнозначно понятиям *текст*, *дискурс*; при всех случаях контекст является их составляющей. Еще одно важное свойство контекста: невозможно определить его строгие границы. Границы контекста определяются исследователем во многом интуитивно, а также варьируются в зависимости от природы исследуемого слова и от цели анализа.

Выявив набор контекстов, в которых слова *другой*, *иной*, *второй* реализуют свои значения, в определенных случаях мы можем производить обратную операцию, то есть, присвоив слову определенное значение, моделировать контекст или прогнозировать дальнейшую структуру текста. Этот методический прием мотивирован в том случае, когда слову присваивается гипотетическое значение и нужно доказать его истинность. Такая операция, возможно, также доказывает тот факт, что значение слов *другой*, *иной*, *второй* и контекст взаимообусловлены и связь между ними не односторонняя.

Очертить семантику каждого слова помогает процедура подстановки одного слова вместо другого. В этом случае возможно получить три результата: а) значение текста остается неизменным, б) значение текста меняется, в) текст становится семантически аномальным. Соответственно можно сделать вывод о совпадении некоторого значения, например, у слов *другой* и *иной*, о различном наборе значений у этих слов, об отсутствии некоторого значения у одного из них. Этой же цели служит элиминирование слова, а также перевод армянского текста на русский язык и русского – на армянский.

Таким образом, при исследовании слов *другой, иной, второй* возможно использование следующих приемов анализа: а) установление значения слова в контексте, б) моделирование контекста, в) замена слова, г) его элиминирование, д) перевод текста.

Мы уже отмечали, что слова *другой, иной, второй* исследуются нами на материале русских и армянских текстов. Выбор этот мотивирован прежде всего отсутствием артикля в одном языке и наличием его в другом. Для исследования шифтеров эта типологическая особенность очень существенна, поскольку наличие/отсутствие артикля с необходимостью влияет на функции остальных видов шифтеров. Как отметила Ф. Джуги, в неартиклевых языках подобные слова «обладают всегда особой семантической значимостью, и их отсутствие является не просто следствием неполноты высказывания, а семантическим признаком, так как контекст, или коммуникативная ситуация, определяет их смысловую функцию» [7, с. 498].

Но в то же время, наблюдая два конкретных языка, мы будем исследовать общие закономерности функционирования слов *другой, иной, второй*. В этом мы следуем тезису Э. Бенвениста, который, изучая природу местоимений, подчеркивал их универсальность, наличие во всех языках. А универсальность местоименных форм говорит о важности их исследования в первую очередь как проблемы языка вообще и лишь затем как проблемы конкретных языков [3, с. 285]. Следовательно, рассматривая функции слов *другой, иной, второй* на материале русского и армянского языков, мы в первую очередь должны выявить универсальные функции этих слов, характерные для «языка вообще» и лишь затем для каждого из рассматриваемых языков.

Исследуемые нами слова являются *шифтерами*. Термин *шифтер* (англ. Shifter от to shift ‘переключать, переводить, сдвигать’) заимствован Р. Якобсоном у О. Есперсена, однако «Есперсен сам не был изобретателем этого термина, который встречался и до него» [9, с. 19]. Этот термин был использован Р. Якобсоном для обозначения группы слов, общее значение которых может быть определено только через ссылку на речевое сообщение. Шифтеры представляют собой «такие кодовые элементы, которые в самом коде (в языке как в системе) определяются отсылками к речевому сообщению» [8, с. 91].

Исследуя эти слова, Э. Бенвенист охарактеризовал их как «серию «пустых» знаков, свободных от референтной соотнесенности с «реальностью», всегда готовых к новому употреблению и становящихся «полными» знаками, как только говорящий принимает их для себя, вводя в протекающий акт речи. <...> Роль этих знаков заключается в том, что они служат инструментом для процесса, который можно назвать обращением языка в речь» [3, с. 288].

«Пустые» знаки языка – явление очень сложное, поэтому и исследуются они с разных точек зрения, что находит свое отражение в существовании ряда терминологических наименований – шифтер, дейктическое слово, демонстратив, детерминатив, индикатор, индекс, указатель, эгоцентрическое слово и др. Как исходный нами выбран термин *шифтер*, поскольку исходным тезисом нашего исследования является идея о существовании у этих слов свойства «переключаться», то есть относиться каждый раз, в зависимости от каждой данной ситуации, к новому референту. Однако в ходе исследования мы будем пользоваться различными терминологическими наименованиями, поскольку слова *другой, иной, второй* нами будут рассматриваться в различных аспектах, а синонимичные термины как раз отражают определенный круг проблем.

К классу шифтеров относятся слова разных частей речи. Это прежде всего артикль (ср. англ. *a, the*; фр. *le, la, les, un, une, des, du, de*). Большую группу шифтеров образуют также местоимения (ср. русск. *я, ты, он, тот, этот, какой-то, какой-нибудь, какой-либо, некто, иной, другой, каждый, всякий, все, такой* и т.п.); прилагательные и причастия (ср.: *данный, вышеупомянутый, остальные, подобные, прочие, последний, следующий, прошлый, левый, верхний, завтрашний, северный* и т.п.); некоторые глаголы (ср.: *быть, бывать, происходить, случаться, делать, поступать, выходить, входить, приходить, подходить* и т.п.); числительные и другие слова с количественной семантикой (ср.: *один, первый, второй, третий, много, мало* и т.п.); наречия (ср.: *здесь, сейчас, налево, направо, туда, сюда* и т.п.).

Для нашего исследования представляют интерес прономинализованные слова – шифтеры-местоимения, к которым относят также слова *другой, иной, второй*, а также шифтеры-прилагательные, к которым иногда относят эти же слова, и шифтеры-числительные, к которым принято относить слово *второй*. Мы с неизбежностью обращаемся также к наблюдению над шифтерами-артиклями, поскольку в безартиклевом русском языке функции этого вида шифтеров возложены на

шифтеры-местоимения, что не может не отразиться на их общей семантике, а в артиклевом армянском языке артикль в свою очередь очерчивает сферу действия шифтеров-местоимений.

Изучение класса шифтеров в лингвистике диктует особый интерес к проблемам указательности, выражения определенности-неопределенности, количественной детерминации, к проблеме соотношения рода, вида, класса, к проблеме «точки зрения» при оформлении высказывания, а также к наличию/отсутствию у шифтеров постоянного, общего значения. Этот круг проблем, возникающий при изучении шифтерных слов, широко исследуется в лингвистике.

1. *Категория указательности* – одна из наиболее важных и развитых категорий языка. В свете изучения слов, выполняющих функцию указания, данная категория прежде всего предстает как набор различных способов указания, а наряду с термином *указательность* употребляется преимущественно термин *дейксис* [1, с. 126]. Исследователями дейксиса выделяется *остенсия* (прямое указание), *дейксис в мысли* (опосредованное указание; функции так называемых *периферийных групп указательных слов*) и *указание в тексте (анафорическое указание)*.

На способность дейктических слов указывать на предмет, не находящийся в поле зрения коммуникантов, обратил внимание К. Бюлер. Классификация К. Бюлера отражает способность дейктического слова указывать не только на наглядный предмет, но и на скрытый.

Функцию прямого указания в основном выполняют дейктические слова типа *этот, тот, вот, вон, здесь, сюда*. Остальные же дейктические слова, которых большинство, функцию указания всегда сочетают с выполнением других функций.

Дейктическому указанию – указанию на внеязыковой объект – противопоставлено анафорическое указание – указание на элемент текста. При помощи анафоры осуществляется указание на предшествующий элемент текста и устанавливается связь между двумя элементами – именем (антецедентом) и его повторным упоминанием (анафором). Между антецедентом и анафором устанавливаются отношения кореферентности. Однако анафорические отношения могут быть установлены также между такими именными группами, которые имеют не один и тот же референт, а разные референты. Анафора такого типа называется некорреферентной анафорой.

Таков механизм указания. Однако реальные тексты являют собой гораздо более сложную картину. При их анализе могут возникнуть следующие проблемы: совмещенность дейктической и анафорической функций; усложненные случаи взаимодействия антецедента и анафоры, как например, имплицитность антецедента; антецедент, имеющий референтом ситуацию; семантические сдвиги, происходящие при изменении соотношения между именем в составе антецедента и именем в составе анафоры, иначе – соотношения лексем с конкретной и абстрактной семантикой.

2. Детерминативы играют также немаловажную роль в оформлении *определенности-неопределенности*. С точки зрения формальных средств выражения данной категории разница между артиклевыми и безартиклевыми языками принципиальна. Наличие в языке артикля (впрочем, как и его отсутствие) определенным образом влияет на семантику других детерминативов. Эта закономерность не может не учитываться нами при исследовании дискурса, а также текстов и высказываний со словами *другой, иной, второй*. В безартиклевом русском языке эти слова призваны передать общее значение неопределенности (или в некоторых случаях – определенности), но преимущественно в комбинации с набором присущих им частных значений. Выявить и разграничить все эти значения – задача сложная, поскольку в реальных текстах мы имеем дело не с «набором» значений, а с его «сплавом». Немаловажную роль в анализе такого типа может сыграть «контрольный» артиклевый язык. В нашем случае – армянский.

3. При помощи детерминативов можно также оформить *значение количественности*. Поскольку большинство объектов реального мира существуют в некотором множестве экземпляров, возникает необходимость указывать на все множество в целом, на его часть, на некоторые элементы данного множества, на один его элемент; кроме того, возникает необходимость указывать на включение некоторого объекта в некоторое множество или исключение его из этого множества и т. д. Ср., например, следующие именные группы: *все ученики, некоторые ученики, какой-то ученик, этот ученик*.

Явление количественной детерминации нам необходимо учитывать по двум причинам. Во-первых, исследуемые нами слова в большинстве случаев оформляют значение количественности, но тем не менее в именной группе они не навязывают это значение имени, следовательно, вторая причина, по которой нам необходимо учитывать явление количественной детерминации, кроется в природе имени. Если имя исчислимо и конкретно, то детерминативы *другой, иной, второй* должны

оформлять значение количественности. Если же имя неисчислимо и абстрактно, то исследуемые нами детерминативы такое значение оформлять не могут.

Известно, что слова *другой, иной, второй* выполняют счетно-порядковую функцию, то есть являются членами счетного ряда и отражают представления говорящего о месте объекта в некотором упорядоченном множестве. Счетно-порядковая функция очевидным образом является центральной для слова *второй* и периферийной для слов *другой, иной*. Это не может не сказаться на семантике счетного ряда, и, следовательно, подобные тексты также требуют детального исследования.

4. *Соотношение рода, вида, класса* представляет собой проблему, смежную с проблемой количественной детерминации. Детерминативы – это механизм, регулирующий в некотором смысле родо-видовые отношения. Так, возьмем ряд слов *тополь – дерево – растение*. В определенной ситуации или в определенном контексте о тополе можно сказать *это дерево, то растение*. В этом случае имя рода (*дерево*) и имя класса (*растение*) сужается при помощи детерминативов до имени вида (*тополь*). При соблюдении этого условия имя рода (*дерево*) может появиться в тексте и без детерминатива, ср.: *На обочине дороги растет тополь. (Этому) дереву много лет*. В данном случае связь *тополя* и *дерева* подтверждается фактом наличия при втором слове в артиклевом языке определенного артикля.

5. Шифтеры – это ориентационные средства языка. Они обладают способностью регулировать или менять «точку отсчета», от которой описывается ситуация. На это свойство шифтеров обратил внимание Ш. Балли, выявивший абсолютные и относительные ассоциации в языке [2]. *Абсолютные и относительные ассоциации* в языке – это точка, из которой рассматривается ситуация. При абсолютной ассоциации точкой отсчета служит говорящий, то есть участник речевой ситуации, при относительной ассоциации точкой отсчета служит объект, внешний по отношению к ситуации. От выбора точки отсчета зависит оформление высказывания, выбор того или иного актуализатора, значение, которое принимает актуализатор в данной ситуации.

6. Есть ли у шифтеров постоянное значение? На этот вопрос до сих пор нет однозначного ответа. Проблемой «общего значения» у шифтеров занимался Р. Якобсон. Он отмечает, что несмотря на тесную связь шифтеров с моментом речи, «каждый шифтер имеет свое общее значение» [12, с. 98], которое остается неизменным и не зависит от ситуации конкретного речевого акта. Эта идея Р. Якобсона в некоторой степени перекликается с идеей Э. Бенвениста о двух статусах указателей: «Как только снимается соотношение указателя с моментом речи, в котором он манифестируется, язык начинает использовать термины, соответствующие каждому указателю, но имеющие референцию уже не с моментом речи, а с «реальными» объектами, с «историческими» временем и местом» [3, с. 287–288]. Не имея общего значения, шифтеры не могут соотноситься с реальной действительностью.

7. В рамках теории актуализации шифтеры рассматриваются с точки зрения выполняемой ими функции актуализации, то есть перевода языкового знака из виртуального в актуальный, и именуются актуализаторами. Следует, однако, отметить, что шифтерные слова являются одним из видов актуализаторов, не покрывая собой, таким образом, всего множества существующих в языке средств актуализации. Актуализированное при помощи актуализатора имя показывает, какая часть объектов данного класса имеется в виду в акте речи. Либо это индивидуализированное имя – индивидуальное, определенное количество объектов данного класса. Либо это генерализованное, обобщенное имя – неопределенное количество объектов данного класса.

Употребление того или иного актуализатора зависит также от семантики актуализируемого имени, поэтому, исследуя функции актуализаторов, необходимо учитывать семантику того имени, которое они актуализируют. Это поможет глубже вскрыть природу данного актуализатора.

Исследуя явление актуализации, Ш. Балли приходит также к выводу о существовании двух типов актуализации – имплицитной и эксплицитной. Имплицитная актуализация осуществляется без помощи актуализатора, «она вытекает только из ситуации или из контекста» [2, с. 95]. Эксплицитная актуализация предполагает обязательное наличие актуализаторов.

Говоря о том, что «некоторые актуальные понятия совмещают общее понятие лица или вещи с количественным определителем [там же], Ш. Балли отмечает еще одну способность актуализаторов – способность, осуществляя процесс актуализации, соотносить также виртуальное множество с актуальным. В группу количественных определителей Ш. Балли включает также слово *другой*.

8. Изучение шифтерных слов с необходимостью предполагает рассмотрение их в аспекте прагматики, которая изучает механизмы и правила употребления языковых единиц в контексте и в ситуации. А, как известно, значение шифтеров формируется в контексте.

Таким образом, выявить значения исследуемых нами слов возможно только в том случае, если рассмотреть их в различных контекстах и с точки зрения коммуникативных намерений говорящего. Рассматривая высказывание с этой точки зрения, исследователи выявили его важное свойство – многоканальность информации. Высказывание, всегда линейное по своему выражению, одновременно может передавать целый пучок информации, контролировать последовательность восприятия этой информации. В зависимости от того, как оформляет информацию говорящий, адресат должным образом ее воспринимает. Так перед лингвистами встала проблема изучения удачной коммуникации, исследования оптимальных способов построения коммуникации.

Прагматика часто связывается с возможностью выбора. Полностью взаимозаменяемые, на первый взгляд слова, предложно-падежные сочетания, синтаксические конструкции выбираются говорящим не произвольно: в зависимости от коммуникативной ситуации употребляется тот или иной вариант. Вскрыть иногда едва уловимые различия и помогает прагматический анализ высказывания.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 576 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
4. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. – М.: Наука, 1985. – 175 с.
5. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: URSS, 2007. – 288 с.
6. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 349–372.
7. Джусти Ф. Нереперентные показатели имени нарицательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15-ый. – М.: Прогресс, 1985. – С. 498–511.
8. Иванов Вяч.Вс. Категория определенности-неопределенности и шифтеры // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1979. – С. 90–118.
9. Иванов Вяч.Вс. Лингвистический путь Романа Якобсона // Роман Якобсон. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 5–29.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Яревой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
11. Топоров В.Н. Рецензия на статью Р.О. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» // Структурно-типологические исследования. – М.: Наука, 1962. – С. 194.
12. Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95–113.

Сведения об авторе

Грдзелян Рузан Рубеновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета. E-mail: ruzangrdzelyan@gmail.com.